

Ю. И. Ермилов

Преподаватель ИХУ им. М.И. Малютина, художник,
иконописец, арт-теоретик, теолог

Христианство - религия? Насилие над смыслом.

В статье рассматривается реальное место и значение христианства в мировой истории, а принятое его положение среди мировых религий автор считает сомнительным и дезориентирующим.

Ключевые слова: религия, христианство, Православие, адекватность, религиозность, вера, аскетические дисциплины, церковное искусство, смысловые приоритеты.

Возможно, высказанные здесь мысли неоднократно посещали многих православных, возможно, кого-то они не только приведут в недоумение, но и заставят задуматься. Речь пойдет о терминологическом соответствии понятий, давно ставших настолько привычными и неизменными, что поднятый здесь вопрос может показаться совершенно неуместным. И тем не менее, рискнем высказаться по этому поводу не из меркантильных или пропагандистских соображений, а как нам кажется, из настоятельной необходимости.

Если не предвзято и внимательно посмотреть на возникновение христианства, бросается в глаза радикальное отличие его от всех известных к тому времени культов. Эта особенность относится ко всем составляющим того, что принято называть религией. Принимая Евангелия в качестве продолжения Ветхого Завета, христианин не совершает последовательного шага вперед, как это всегда бывает в развивающихся культах, а сразу обретает новый путь богопознания через Откровение. Это касается не особо посвященных, а каждого члена Церкви. Что такое Откровение, новообращенному никогда не объяснялось, весь определяющий смысловую проблематику процесс был далек от теоретизирования настолько, насколько живое восприятие противоположно рассказу о нем.

Как и в любой другой религии, в христианстве развивались все элементы культовой практики, изменяясь во времени и приобретая все новые и внешне насыщенные содержательные черты. При этом высший смысл уже обретенного Церковью христианства не менялся и не приобретал в самой вере чего-либо нового, а практика свидетелей веры - мучеников и исповедников уже в самые ранние годы и века становления полнокровно и исчерпывающе выражала определяющий смысл веры.

Если бы этот аспект христианства приобретал нечто принципиально новое, добавляя в свою сокровищницу что-то изначально иное, не имеющее аналога в древности, то увеличение числа свидетелей веры только укрепляло бы первоначально сложившийся - ясный и простой духовно-нравственный образ Церкви как института. Но этого не происходило, и обмирщение именно институциональной составляющей христианства происходило параллельно независимой практике живой веры. Уход от Откровения выражался в многократном усилении приоритета ритуала

и обряда среди значительной части воцерковленного люда. Как и в любой культовой системе, здесь происходило то, что привязано намертво к понятию «религия», со всеми присущими ему смысловыми дополнениями каждого составляющего элемента. При этом, как всегда бывает, происходил самопроизвольный поиск этого ряда потенциально необходимых признаков, каждый из которых восполнялся искусственно до необходимого теоретического уровня. Для наглядности можно взять наличие ритуала, как один из признаков религии и рассмотреть его фактическое место в христианстве как явления истории. Уже наличие понятия «тайнство» отодвигает его от типического ритуального набора свойств и качеств у всех древних и новых религий, разделяя содержание действия-явления от любого другого, внешне схожего события. Но это не сохраняет христианство от повседневного подавления его изнутри системой далеко не главных и даже не важных, ставших традиционными ритуалов самого разного характера: свечка, записка, молебен вместо исповеди и причастия. Следует сразу оговориться: во всех известных ответвлениях христианства существует давно оформившаяся обрядно-ритуальная практика, которая может однозначно восприниматься в качестве явного религиозно-культового признака или комплекса признаков религии в установившемся классическом ее понимании. Подобное скорее всего должно происходить с любой почитательно-культовой исторически сложившейся конструкцией, когда она следует определенным сформулированным уровням взаимоотношений паствы с Высшим началом. Но за этим признаком приходит и обязательный следующий: наличие касты особо посвященных, эзотерическая элита, которая ограничена количественно и составляет явное меньшинство. Особым образом инициированная, она одна может понимать главные тайны вероучения и принимать нерасшифрованные для масс решения, которым положено безоговорочно доверять.

В исторически определившихся ветвях христианства произошло нечто подобное именно из-за выравнивания его по меркам религии общепринятого типа. Но перевод живой веры в многократно усиленную институциональность привел к некоторым неизлечимым перекосам в определении места и времени собственно культовой части системы в общехристианском бытийном пространстве.

Появление эпитета «религиозный» как синонима «верующий» с самого начала было сознательным, то есть принималось явное указание на собственно религиозность, а не на веру. Синонимичность понятий «вера» и «религиозность» очевидна лишь для внешних по отношению к христианству людей, которым вообще чуждо какое-либо знание о богопознании или поиске духовных истин. Атеистическое восприятие данной проблемы не различает веру и суеверие («религиозное суеверие»), поэтому весьма сомнительно было бы церковным людям следовать любым заведомо чуждым правилам, атеистическим или антирелигиозным. Так случилось, что далекие от задач богопознания силы истории включились в создание чуждых им духовно-нравственных сообществ, привнося в них терминологическую и ассоциативную суету сего дня. Со временем частью церковных реалий стало наукообразие в объяснении сверхъестественных явлений и псевдореалистичность храмового искусства, не вмещающая аскетического иконописного сверхреализма и богослужебного пения, замененного храмовой музыкой. Включение церковной жизни в реалии модных веяний социальной мысли происходило не как становление собственно Христианства, а как поступательное развитие религии вообще в соответствии с законами внецерковного институционального изменения любой общественной формации в русле прогресса.

Несмотря на все это Христианство как Православное умное делание продолжает неизменно жить и самосохраняться вопреки внешнему и внутреннему давлению. Снаружи небожественное энергетическое поле критики Православия использует давно испытанный прием литературно-метонимического мышления, когда Церкви как обществу верующих в Христа Спасителя приписывают институциональные качества, совмещая в одном ряду все смыслы понятия «Церковь» и распространяя элементы ритуалов и обрядов на главные признаки этого грандиозного исторического явления. Изнутри происходит то же самое, только со стороны прихожан, которые составляют подавляющее большинство, но которые так и не могут ни понять, ни догадаться о типологической противоположности между таинством и обрядом. То есть между чисто внешними критиками и внутренними потребителями культа нет принципиальной разницы; более того, первые по существу обвиняют вторых именно в суеверии, что фактически верно, но приписывая его всем верующим, вторые же не различают суеверие и веру, оставаясь принципиально религиозными. Есть несколько очень простых правил, которые, наверное, надо обязательно помнить и соблюдать. Никогда не называть все, что имеет отношение к вере и Церкви другим словом с сходным значением, если это слово безвозвратно искажает изначальное церковное понятие. Иконопись и богослужебное пение - это не церковное искусство, а аскетические дисциплины, которых «ни мытьем, ни катаньем» виртуозной ремесленности не достичь. Это аксиома. Если хотя бы одно это было понято и принято, многое встало бы на свое место без теоретических богословских доказательств. Вряд ли в вере может быть пара понятий «нравится - не нравится», это исклю-

чено. Когда наш современник спрашивает оппонента: «Тебе какая религия больше нравится, дзэн-буддизм или ислам?», а тот отвечает: «Да нет, в дзэне всякую дрянь едят, а в исламе вино под запретом! Лучше уж наше Православие! Все можно!», и все таким образом сказанное почитается как патриотизм, становится безысходно грустно. Потому что так, хоть с натяжкой, но позволительно сказать про «какую-нибудь религию», но не про Христианство. Ритуал в нем всегда находится глубоко внутри, он в подчиненном положении по отношению к его истории и Главным Лицам. Ощущение себя частью неделимого христианского времени, которое закончится апокалипсисом, дает каждому верующему право по-христиански взглянуть к себе в душу и увидеть там то, что видит один лишь Бог. С этого начинается и этим же самым заканчивается христианство каждого отдельного человека. Его вера еще сможет вместить религиозность, а вот религиозность вряд ли вместит в себя Веру.

Современное звучание слова «религия» чем-то сходно по месту в социально-политическом пространстве со словом «партия». Христианство и его древнейшая ветвь – Православие не вписываются в эту категорию. Один из знаков современности - это конфессиональное мышление. Оно возникло не вчера, а начало формироваться почти одновременно с рождением Церкви. Адепты его не скрывают своего безразличия к богообщению и всей внутренней системе церковной жизни, не догадываются о великой тайне веры, дающейся только по благодати, не пытаются осмыслить не формальную, а реальную роль и место обряда и таинства в жизни каждого христианина. Но они признают и «доказывают» преимущество Православия, делая это точно так, как это практикуют партийные профессионалы, выбирая с их точки зрения бесспорно выигрышные качества своей религии и логически сравнивая их с иными конфессиональными образованиями. Именно подобный подход автоматически и как бы само собой делает христианство совершенно обычной, но просто религией, первой или равной среди равных в ряду мировых религий единобожия.

Очевидно, что это совсем не так, если мы найдем в себе решимость выйти за пределы искусственных и неадекватных рамок чисто конфессионального мышления с его журналистской логикой и словесно-позиционным проектированием и обратимся к повседневной внутренней практике веры. Мы обнаружим, что подлинное мужество не имеет и никогда не имело brutальных признаков и не кичится умением подавить и изломать все, что мешает сиюминутному капризу. Мы вспомним, что христианин жертвует только собой и своим благополучием и только своей жизнью, но никак не другими, даже вражескими судьбами. Подлинное христианство живет в православной душе именно как христианство, а не как религиозное чувство или конгломерат религиозных переживаний, оставаясь всегда превышающим любое, вмещающее сумму смыслов определение.

©Ермилов Ю.И., 2020